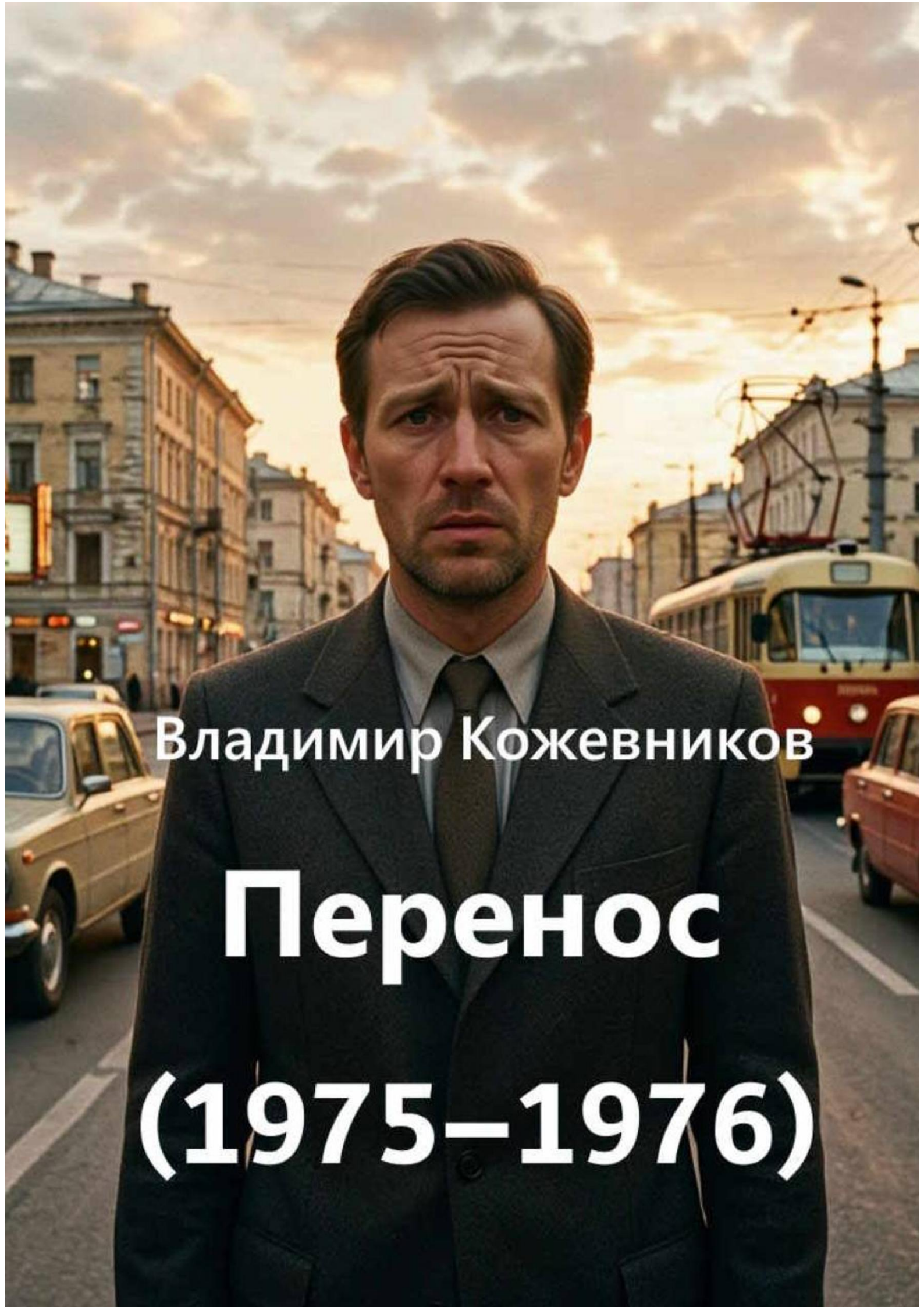

A man with dark hair and a light beard, wearing a dark suit, white shirt, and dark tie, stands in the center of a city street. He has a serious, slightly distressed expression. The background shows a European-style city street with multi-story buildings, a tram, and cars under a cloudy, sunset sky.

Владимир Кожевников

Перенос
(1975–1976)

Владимир Кожевников
Перенос (1975–1976)

«Автор»

2026

Кожевников В. В.

Перенос (1975–1976) / В. В. Кожевников — «Автор», 2026

Москва, 1975 год. Дмитрий Соколов, инженер-программист из 2024-го, приходит в себя в чужом теле и чужой эпохе. У него паспорт на имя некоего Дмитрия Соколова, ключи от квартиры на улице Строителей и записка с обещанием, что пути назад нет. Чтобы выжить, он устраивается техником в НИИ «Геофизика», но его знания слишком заметны для этого времени. Очень скоро им начинают интересоваться не только коллеги, но и люди из КГБ, а загадочный К. А. продолжает направлять его шаги. Дмитрию предстоит найти баланс между осторожностью и амбициями, между чувством к женщине из прошлого и памятью о прежней жизни. Но чем дальше, тем яснее: он не просто попал в прошлое — он стал пешкой в чьей-то большой игре.

© Кожевников В. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Сбой в матрице	5
Глава 2. Адрес на связке	7
Глава 3. Утро новой жизни	9
Глава 4. Мартынов	11
Глава 5. Вычислительный центр	13
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Владимир Кожевников

Перенос (1975–1976)

Глава 1. Сбой в матрице

Боль пришла раньше, чем свет. Она вспыхнула в затылке, растеклась по шее, отозвалась в глазницах. Дмитрий Соколов застонал и попытался повернуться. Где-то рядом, словно сквозь вату, пробился голос:

— Есть пульс. Слабый, но есть.

Он открыл глаза. Потолок — белёный, с жёлтыми подтёками у балки. Лампа без плафона, на длинном проводе, покачивается от сквозняка. Так пахнет в старых учреждениях, где полы моют с добавлением хлорки, а сотрудники курят прямо в кабинетах. Табак, дешёвое мыло, нафталин.

— Очнулся? — над ним склонился мужчина с седыми висками. Галстук сбит набок, верхняя пуговица рубашки расстёгнута. — Вы упали прямо на ступенях. Мы уж решили, что с сердцем плохо.

Дмитрий попытался сесть. Голову прострелило болью, в глазах потемнело. Он осторожно опёрся на локоть. Рукав пиджака — серого, из грубой ткани — непривычно царапал запястье.

— Где я?

— В отделении. На Тверской. Документы при вас?

Дмитрий сунул руку во внутренний карман. Пальцы наткнулись на плотную корочку. Он вытащил её. Тёмно-красная, с золотым тиснением. Паспорт. На обложке — герб, от которого сердце сбилось с ритма, а во рту пересохло.

— Соколов Дмитрий Игоревич, — прочитал вслух милиционер, забирая паспорт. — Тридцать пятого года рождения. Прописка — город Калинин... А вы откуда в Москву?

— Не помню, — сказал Дмитрий. Собственный голос показался ему хриплым, как после долгого сна.

Милиционер кивнул, но взгляд его задержался на лице Дмитрия на несколько секунд.

— Ударились, наверное. Не волнуйтесь, в больнице посмотрят. Сейчас чаю принесу.

Он вышел. Дмитрий остался один. В коридоре за приоткрытой дверью слышались шаги, обрывки разговоров, стрёкот пишущей машинки. Он медленно поднялся с жёсткой кушетки, подошёл к окну.

Тверская. 1975 год.

По мостовой, звеня, проехал трамвай — красно-кремовый, с прицепным вагоном. Люди на остановке: женщины в платках и пёстрых платьях, мужчины в одинаковых серых костюмах, мальчишка с бидоном. Напротив — кинотеатр «Пушкинский» с афишей, на которой Дмитрий успел разглядеть название: «Калина красная». Он знал этот фильм. Знал, что он вышел в 1973 году. Знал, что Шукшин умер в 1974-м. Знал слишком многое.

Он проверил карманы: паспорт, несколько мятых купюр — трёшки и пятёрки с профилем Ленина, ключи от неизвестного дома, сложенный вчетверо листок. Развернул его. На пожелтевшей бумаге размашистым почерком было написано:

«Дима, это шанс. Не ищи пути назад. Его нет»

Дмитрий перечитал записку трижды. Руки дрожали. Кто это написал? Когда? Почему он не помнит, как попал сюда? Последнее, что осталось в памяти — белый свет, гул, боль. И лицо Лены, тающее, как отражение в воде.

Лена. Он зажмурился. Ей сейчас... в 2024-м... а может, её ещё нет на свете. Может, её мать ещё не родилась. Эта мысль ударила под дых сильнее боли.

Дверь открылась — вернулся милиционер с железной кружкой чая в подстаканнике.

— Держите. Сладкий.

— Спасибо. — Дмитрий взял кружку. Чай пах чабрецом и пригоревшим сахаром. — А какой сегодня день?

— Суббота. Двадцать четвёртое мая.

— А год?

Милиционер смотрел на него не мигая:

— Семьдесят пятый, товарищ. Семьдесят пятый.

Через полчаса, выслушав стандартные наставления — «в больницу обязательно, берегите голову», — Дмитрий вышел из отделения. Майский вечер встретил его тёплым ветром, запахом бензина и нагретой листвы. Люди шли по тротуару быстро, целеустремлённо. У ларька «Союзпечать» висела табличка: «Перерыв с 14:00 до 15:00». Часы на здании напротив показывали 18:20.

Он постоял, прислонившись к стене. Москва гудела ровным, деловитым гулом: трамваи, троллейбусы, редкие «Волги» и «Жигули» на проезжей части. В витрине гастронома на углу — пирамиды консервных банок «Килька в томате» и бутылки с кефиром. Всё это он видел в фильмах, читал в книгах, но теперь это было осязаемо: шершавый бетон стены под ладонью, воротник рубашки, натирающий шею, чужая одежда, чужая эпоха.

Это не сон.

Дмитрий глубоко вдохнул — запах пыли, бензина, лип — и пошёл вниз по Тверской, сам не зная куда. За спиной остались милицееское отделение, разговор с человеком, который смотрел на него с подозрением, и записка, загадка которой только начинала пускать корни.

Впереди, за Кремлёвской стеной, догорал майский закат 1975 года.

Глава 2. Адрес на связке

Дмитрий шёл вниз по Тверской, стараясь не выделяться. Это было непросто: он чувствовал себя чужаком в этой одежде, с этими мыслями, с походкой человека, который не знает, куда идёт. Вечерний город жил своей жизнью — мимо проносились троллейбусы с табличками «Б» и «10», у газетного киоска толпились люди, у входа в метро «Охотный ряд» собиралась очередь за вечерними газетами. Дмитрий миновал «Националь», перешёл на другую сторону и остановился у витрины комиссионного магазина. За стеклом — телевизоры «Рубин», радиолы, фотоаппараты «Зенит». Цены на табличках: «Телевизор цветной — 680 руб.», «Магнитофон „Комета“ — 240 руб.» Он машинально прикинул: его месячная зарплата программиста в 2024-м была бы здесь целым состоянием, но сейчас в кармане — лишь несколько смятых трёшек и пятёрок.

Нужно было найти ночлег.

Дмитрий присел на скамейку в сквере напротив гостиницы «Москва». Достал связку ключей. Четыре ключа: два английских, один плоский с бородкой, один ржавый, похожий на ключ от чердака или сарая. И маленькая латунная бирка, прикреплённая к кольцу. Он поднёс её к глазам. На выцветшей поверхности выгравировано: «Соколов Д. И., ул. Строителей, д. 5, кв. 18».

Адрес. Его адрес. Или адрес того, чьи документы лежали в кармане.

Дмитрий сжал бирку в кулаке. Сердце колотилось где-то в горле. Откуда эти ключи? Почему я не заметил бирку раньше? Может, это ловушка? Он разжал пальцы, снова прочитал надпись. Фамилия совпадала с паспортом. Улица Строителей — где-то на юго-западе, кажется, в Черёмушках. Если это его нынешний дом, то там может быть кто-то: жена, мать, сосед. А если пусто — то это шанс на ночлег и на разгадку.

Дмитрий огляделся по сторонам. Люди проходили мимо, не глядя. Вечер был тёплый, пахло летом и бензином. Он поднялся, отряхнул брюки. Мимо прошла компания молодых людей с гитарой — парень в джинсах наигрывал что-то из «Машины времени». Дмитрий прислушался: «Ты помнишь, как всё начиналось...» Песня знакомая, только звучала иначе — живее, без цифровой обработки, с хрипотцой недорогого микрофона. Он проводил их взглядом и двинулся к метро.

Станция «Охотный ряд» встретила его запахом резины, влажной штукатурки и дешёвого табака. На турникетах стояли женщины в синей форме. Дмитрий вспомнил, что проезд стоит пять копеек и нужно бросить монету в автомат. Он порылся в карманах, нашёл пятак с гербом СССР. Автомат проглотил её, турникет щёлкнул. Дмитрий спустился на эскалаторе вниз, в мраморный зал, украшенный бронзовыми светильниками. Поезд подошёл с воем, двери открылись. Он сел на деревянную скамью, обтянутую коричневым дерматином, и закрыл глаза.

Запах метро был всё тот же, знакомый с детства. Но это было другое метро — чище, тише, без рекламы, с лозунгами «Слава КПСС!» на торцевых стенах. Люди вокруг читали газеты, дремали, смотрели в тёмные окна. Дмитрию казалось, что никто не обращает на него внимания.

На «Площади Ногина» он перешёл на Калужско-Рижскую линию, доехал до «Профсоюзной». Вышел из метро, миновал мост через деловую улицу, пошёл вглубь района. Серые панельные пятиэтажки, во дворах — коты, на лавочках — старухи. Дмитрий подошёл к третьему подъезду дома 5 по улице Строителей, поднялся на четвёртый этаж. Дверь квартиры 18 была обита чёрным дерматином, на косяке — табличка с фамилией «Соколов». Он прислушался. За дверью — тишина. Только из соседней квартиры доносился приглушённый звук телевизора.

Дмитрий достал ключ. Тот вошёл в скважину с лёгким скрипом, повернулся. Дверь открылась. Он не сразу вошёл — постоял на пороге, вглядываясь в темноту. В нос ударил запах пыли и старых вещей. Он нашарил выключатель — загорелась тусклая лампочка.

Перед ним была однокомнатная квартира: узкий коридор, дверь в комнату, справа — кухня, слева — совмещённый санузел. Всё обставлено скромно, но чисто: старый сервант с пожелтевшим стеклом, диван-книжка, застеленный покрывалом, круглый стол с вазой, в которой стояли засохшие цветы. На стене — ковёр с оленями, на нём — фотографии в рамках.

Дмитрий медленно прошёл в комнату. На подоконнике — проигрыватель «Юность», рядом — пластинки в картонных конвертах. На серванте — книги в одинаковых переплётах: Ленин, Брежнев, «Малая земля». На столе — пустая пачка «Беломора» и коробка спичек с этикеткой «Ростов». Он подошёл к фотографиям. На одной — пожилая пара, на другой — молодой человек в форме, на третьей — он сам. Вернее, кто-то очень похожий. Дмитрий снял рамку с гвоздя, поднёс к свету. Мужчина на фото был его копией, но в одежде начала семидесятых: клетчатая рубашка, волосы подлиннее. Он сплотнул. Кто этот человек? Что с ним случилось?

В ящике стола он нашёл документы: пропуск на завод «Красный пролетарий» на имя Соколова Д. И., трудовую книжку, справку о регистрации по этому адресу. Он достал паспорт из кармана, нашёл штамп прописки: Москва, улица Строителей, дом 5, квартира 18. Всё сходилось. И письмо, сложенное треугольником, без марки. Дмитрий развернул его. На листе в клеточку аккуратным почерком было написано:

«Если ты читаешь это, значит, я уже там. Не бойся. Ты найдёшь всё, что нужно. Работай, живи, не оглядываясь. К. А.»

Дмитрий перечитал письмо дважды. «Я уже там» — где? Умер? Или тоже переместился во времени? Он снова достал записку из кармана, положил рядом. Почерк был разный: в записке — размашистый, с наклоном вправо; в письме — аккуратный, почти каллиграфический. Значит, писали два разных человека. Или один, но в разном состоянии? Внутри нарастала тревога. Его сюда привели. Но кто?

Он выглянул в окно. За панельными домами догорал закат, во дворе зажглись фонари. Снизу доносились детские голоса: «Выше, давай выше!» — мальчишки запускали воздушного змея. Дмитрий стоял, прислонившись к подоконнику, и пытался осмыслить произошедшее.

Я в 1975 году. У меня есть документы на имя человека, который жил здесь и, похоже, умер или исчез. Кто-то оставил мне письмо и ключи. Этот кто-то знал, что я появлюсь.

Он сел на диван. Под локтем скрипнула старая пружина. Нужно было действовать. Для начала — осмотреться, понять, что здесь есть, и лечь спать. Завтра будет новый день.

Дмитрий прошёл на кухню, открыл кран — вода пошла ржавая, затем чистая. Он набрал в чайник, поставил на плиту. В шкафу нашёл банку гречки — видимо, хозяин запаса, пачку чая, сушки. На ужин сварил кашу. Ел медленно, глядя на потрескавшийся потолок.

Ночью, лёжа на диване без простыни, он думал о Лене, о матери, о друзьях. Все они остались там, в будущем. Или, может быть, ещё не родились. Слёзы подступили, но он сдержался. Жалость к себе сейчас — непозволительная роскошь.

Перед тем как уснуть, он ещё раз достал записку из кармана и письмо, положил рядом. Два послания. Одно — короткое, предупреждающее. Второе — инструкция. Оба без подписи. Кто ты, К. А.?

С этой мыслью он провалился в сон.

Глава 3. Утро новой жизни

Дмитрий проснулся от тишины. Она была неестественной, густой, и в ней отчётливо тикали настенные часы. Он открыл глаза. Потолок с трещиной, обои в цветочек. Вчерашняя реальность вернулась, но уже не вызвала шока — только глухую, ноющую тревогу.

Он сел, спустил ноги на пол. Тело слушалось, но ощущалось чужим, как после долгого сна. Часы показывали половину восьмого. За окном чирикали воробьи, пахло весной и пылью.

На кухне он поставил чайник, разжёг плиту. Открыл холодильник — пусто, только наледь. Позавтракал вчерашней кашей, запил чаем без сахара. Сахар в шкафу был, но он решил экономить.

После завтрака тщательно осмотрел квартиру. В платяном шкафу висела одежда: брюки, рубашки, свитер, куртка. Всё пахло нафталином, но было чистым. Дмитрий выбрал голубую рубашку и тёмные брюки, переоделся. Одежда сидела как влитая. В зеркале на себя смотрел тот же человек, что и вчера, только в другой одежде. Он провёл рукой по подбородку: щетина. Надо бы найти бритву.

В ящике комода он нашёл бритвенный прибор «Балтика», лезвия, одеколон «Саша». Побрился, умылся холодной водой. Всё лежало на своих местах, будто его ждали. Или прежний хозяин был аккуратистом.

В прихожей обулся в кожаные туфли, взял ключи. Проверил карманы: деньги — около двенадцати рублей. На первое время хватит, но нужно искать источник дохода.

Он вышел на лестничную площадку. В полумраке пахло кошками и хлоркой. Спускаясь, услышал скрип двери на первом этаже.

— Дима? Ты?

Дмитрий обернулся. Пожилая женщина в ситцевом халате смотрела на него с удивлением. Седая, морщинистая, с живыми глазами. На двери её квартиры висела латунная табличка: «Григорьева Н. И.». Он не знал эту женщину. Не знал, как её зовут. И это было страшнее всего.

— Здравствуйте, — сказал он осторожно.

— Вернулся, значит, — она покачала головой. — А я уж думала, не свидимся. Пропал на два месяца, никто не знал куда. Я и газеты твои забирала, и письмо одно придержала. Зайди, отдам.

Она скрылась в квартире, через минуту вышла с пачкой газет и конвертом, перевязанными бечёвкой.

— Держи. «Вечерка» за два месяца, «Труд» по вторникам. И письмо тебе было. С обратным адресом «до востребования».

— Спасибо, — Дмитрий взял пачку, чувствуя, как сердце сжалось. Он не знал эту женщину, не знал, что ей известно о прежнем Соколове. Надо быть осторожнее.

— Ты это, заходи вечером, чаю попьём. Расскажешь, где был. А то соседи спрашивают, что да как.

— Хорошо, — пообещал он и поспешил к выходу.

На улице его встретило тёплое майское утро. Двор жил: женщины выбивали ковры на перекладинах, мужчина в майке чинил велосипед, дети с портфелями бежали в школу. Пахло сиренью, бензином, нагретой пылью. Дмитрий дошёл до гастронома на углу.

Магазин уже открылся. Внутри — привычные отделы, очереди. Он взял бутылку кефира за 30 копеек, батон за 13 копеек, пачку масла за 1 рубль 20 копеек. Продавщица в белом халате ловко заворачивала продукты в серую бумагу, щёлкала счетами. Дмитрий сложил покупки в авоську, найденную в прихожей.

На выходе он столкнулся с мужчиной в сером плаще. Тот посторонился, вежливо улыбнулся, но взгляд у него был цепкий, оценивающий. Дмитрий отметил это краем сознания, но не заикнулся.

Дома он нарезал батон, намазал маслом, налил кефир. Ел, стоя у окна. Потом сел за стол, разобрал почту. Среди газет — конверт. Внутри лист, отпечатанный на машинке:

«Если хочешь устроиться, обратиться в НИИ „Геофизика“ на Профсоюзной, 70. Спроси Мартынова. Скажи, что от К. А.»

Дмитрий откинулся на спинку стула. К. А. снова. Что за игра? Почему он должен доверять этому незнакомцу? Может, это ловушка? Но выбора особого нет: без работы и связей он долго не протянет. Завод «Красный пролетарий», где числился прежний Соколов, — это путь, но, судя по пропуску, там ждут человека, который исчез два месяца назад. Возвращение вызовет вопросы.

НИИ «Геофизика» — шанс начать с чистого листа. Он решил, что завтра поедет туда. А сегодня — осмотрится, изучит документы, может, наведается на завод.

Вечером он снова вышел на улицу. Дошёл до метро, доехал до «Ленинского проспекта», пересел на троллейбус до завода. У проходной толпились рабочие. Дмитрий постоял у ворот, разглядывая корпуса. Завод как завод. Возвращаться сюда он не хотел.

Обратно шёл пешком через дворы. У подъезда заметил тёмную «Волгу» с погашенными фарами. Номер был московский, серия «МОК». За рулём кто-то сидел. Дмитрий ускорил шаг, вошёл в подъезд. Поднимаясь по лестнице, прислушивался к звукам внизу, но шагов не было.

Войдя в квартиру, он сразу подошёл к окну. «Волга» всё ещё стояла. Через несколько минут зажглись фары, машина тронулась и медленно уехала. Дмитрий смотрел ей вслед, пока красные габариты не скрылись за поворотом.

Значит, не показалось.

Ночью он долго лежал без сна, размышляя о письме, о К. А. и о том, что завтра ему предстоит сделать первый шаг в новую жизнь.

Глава 4. Мартынов

Утром Дмитрий оделся тщательнее, чем вчера: серый костюм, белая рубашка, тёмно-синий галстук с мелким узором, найденный в шкафу. В зеркале отражался человек из 1975 года. Или почти.

Он взял с собой паспорт и трудовую книжку, которую нашёл в ящике стола. Книжка была заполнена до 1974 года: последняя запись — увольнение с завода «Красный пролетарий» по собственному желанию. Дмитрий пролистал её, пытаясь понять, чем занимался прежний Соколов. Судя по записям, работал слесарем, потом мастером. Образование — среднее техническое. Для НИИ это слабовато, но он надеялся на свои знания.

Дорога до НИИ «Геофизика» заняла около часа: метро до «Профсоюзной», потом автобус три остановки. Здание института — четырёхэтажный корпус из жёлтого кирпича, обнесённый металлической оградой. У проходной — будка с вахтёром, табличка: «Научно-исследовательский институт геофизических исследований». Дмитрий подошёл, показал паспорт, сказал, что ему назначена встреча с Мартыновым. Вахтёр, пожилой усатый мужчина, переписал данные в журнал, выдал пропуск.

— Второй этаж, комната 214, — буркнул он.

Дмитрий поднялся по лестнице. Внутри пахло пылью, машинным маслом и озоном от лабораторного оборудования. Коридоры длинные, с табличками «Отдел сейсмологии», «Лаборатория гравиметрии», «Вычислительный центр». На стенах — социалистические обязательства, доска почёта.

Он нашёл кабинет 214, постучал.

— Войдите, — раздался глуховатый голос.

Мартынов оказался пожилым мужчиной лет шестидесяти, с седыми волосами, зачёсанными назад, и усталыми глазами за толстыми очками. На лацкане пиджака — орденские планки: три штуки, одна с жёлтой и красной полоской. Кабинет тесный, заваленный книгами, папками, рулонами бумаги. На стене висела карта СССР с отмеченными точками. Пахло табаком и кофе.

— Слушаю вас, — сказал Мартынов, не поднимая головы от бумаг.

— Здравствуйте, — начал Дмитрий. — Меня направили к вам. Сказали, что вы можете помочь с работой.

Мартынов поднял глаза, окинул его внимательным взглядом:

— Кто направил?

— Некий К. А., — ответил Дмитрий.

Мартынов замер. Очки блеснули на свету. Он медленно снял их, протёр платком, не сводя глаз с Дмитрия.

— Откуда вы знаете это имя? — спросил он тихо.

— Я не знаю. Мне просто передали, что нужно обратиться к вам и сказать, что от К. А.

Мартынов помолчал, ещё раз пристально посмотрел на него, потом встал, подошёл к двери, выглянул в коридор, затворил её.

— Садитесь, Соколов. — Он указал на стул. Сам сел напротив. — Расскажите о себе. Где работали, что умеете.

Дмитрий изложил заготовленную легенду: работал в НИИ автоматики, занимался вычислительной техникой, программированием, но институт расформировали. При этом он старался говорить уверенно, но не нагло.

Мартынов слушал, кивал, задавал уточняющие вопросы: какие машины знает, какие языки, что такое алгоритм, как работает перфокарта. Дмитрий отвечал легко — его знания

были на уровне не просто 1975 года, а далеко вперёд. Он ловил себя на том, что иногда использует термины, которые ещё не вошли в обиход, и старался их избегать.

— Хорошо, — прервал его Мартынов. — Допустим, вы разбираетесь в вычислительной технике. Но у вас образование среднее техническое, судя по трудовой книжке. Для инженера-программиста у нас требуется высшее. Как вы объясните это?

Дмитрий ожидал этого вопроса.

— Я самоучка. Занимался программированием с детства, работал на разных машинах. Образование — это формальность, но я могу подтвердить квалификацию на деле.

Мартынов хмыкнул, почесал переносицу.

— Ну, допустим. Но инженерную ставку я вам дать не смогу, даже с учётом рекомендации. Могу предложить должность техника в вычислительном центре, оклад 100 рублей. Если через полгода докажете, что стоите большего, поднимем до инженера. Согласны?

Дмитрий кивнул. 100 рублей — это мало, но для старта сойдёт. К тому же он понимал, что без высшего образования претендовать на большее сложно.

— Согласен.

— Тогда приходите завтра к девяти. Отдел кадров оформит допуск. И учтите: будет проверка.

— Понимаю.

Дмитрий поднялся. У двери обернулся:

— А всё-таки, кто такой К. А.?

Мартынов посмотрел на него долгим взглядом:

— Это я должен спросить. Но раз вы не знаете, то и не надо. Идите. И постарайтесь не болтать лишнего.

Дмитрий вышел. Сердце колотилось, но он чувствовал, что сделал правильный шаг. Он подумал, что слишком легко отделался. Впрочем, рекомендация К. А. явно имела вес.

На обратном пути он зашёл в столовую неподалёку. Взял обед: щи за 24 копейки, котлету с картофельным пюре за 45 копеек, компот за 10 копеек. Сел за столик у окна. Люди вокруг ели молча, сосредоточенно. Пахло супом и жареным луком. За соседним столиком мужчина в сером пиджаке читал «Правду» и хмурился; женщина в белом халате громко рассказывала подруге, что в гастрономе на углу «выбросили» югославские сапоги, но очередь была на полквартиры.

Дмитрий слушал вполуха, размышляя о завтрашнем дне, о проверке, о том, что ему предстоит вписаться в этот мир. Надо быть осторожным, не выделяться. И постараться узнать больше о прежнем Соколове — вдруг у него были враги или проблемы.

Дома вечером он поднялся к себе и сразу подошёл к окну. У подъезда никого не было. Он постоял несколько минут, вглядываясь в тени. Показалось, что у соседнего дома мелькнула фигура, но потом пропала. Дмитрий задёрнул шторы.

Ночью ему снилась Лена. Будто она сидит на кухне, пьёт чай и смеётся. Он проснулся в холодном поту, с чувством вины.

Глава 5. Вычислительный центр

Утро понедельника началось с резкого звонка механического будильника. Дмитрий подскочил, не сразу сообразив, где находится, потом вспомнил: квартира на улице Строителей, 1975 год, первый рабочий день. Он потёр лицо, сел. Надо было выглядеть соответственно, но и не перестараться. Выбрал голубую рубашку, тёмные брюки, тот же галстук, что и вчера. Умылся, побрился, наскоро перекусил хлебом с маслом и чаем.

Взял паспорт, трудовую книжку — пропуск ему должны оформить в отделе кадров. В НИИ приехал к восьми сорока. У проходной толпились сотрудники, большинство — в плащах и с портфелями. Дмитрий предъявил вчерашний разовый пропуск, прошёл через вертушку. На втором этаже у кабинета 214 его уже ждал Мартынов.

— Пойдёмте, — коротко сказал он.

Отдел кадров был на первом этаже. Кабинет тесный, пахло бумагой и сургучом. За столом сидела женщина лет пятидесяти, в очках, с пучком на голове. Мартынов представил Дмитрия, сказал, что тот оформляется техником в вычислительный центр. Кадровичка, назвавшаяся Ниной Павловной, приняла документы, пролистав, подняла глаза:

— Почему увольнялись с «Красного пролетария»?

— По собственному желанию, — ответил Дмитрий. — Хотел перейти на научную работу.

— А почему перерыв два месяца?

Дмитрий почувствовал, как вспотели ладони. Он заставил себя не отводить взгляд.

— Искал подходящее место. Не хотел идти куда попало.

Нина Павловна кивнула, но было видно, что ответ её не до конца удовлетворил. Она выдала анкету, Дмитрий заполнил. В графе «семейное положение» поставил прочерк. В графе «судимость» — «не привлекался».

— Распишитесь здесь и здесь, — сказала она. — Теперь медкомиссия. Направление я выпишу.

Дмитрий взял направление, вышел. Мартынов остался в отделе кадров, что-то обсуждая с Ниной Павловной.

Медкомиссия заняла два часа. Очередь, белые кабинеты, врачи. Терапевт, окулист, невропатолог. Спрашивали стандартно: жалобы, хронические заболевания, употребление алкоголя. Дмитрий отвечал сдержанно. В регистратуре поставили штамп «годен».

К трём часам дня он поднялся на третий этаж. Вычислительный центр оказался большим залом, где в центре возвышалась БЭСМ-4 — громоздкая машина с множеством мигающих лампочек, гудевшая, как трансформаторная будка. Вдоль стен — стойки с перфокартами, столы с принтерами и дисплеями. Пахло озоном, нагретой электроникой и ещё чем-то, похожим на запах канифоли. Несколько человек в белых халатах работали за столами, склонившись над листингами.

— Вы к кому? — спросил молодой парень в очках, оторвавшись от бумаг. Он был худой, с растрёпанными русыми волосами и живыми глазами.

— К Титову.

— А, вы новенький? Пойдёмте, я провожу. — Он протянул руку. — Серёжа Королёв, техник. Если что, обращайтесь.

Дмитрий пожал руку. Ладонь у Серёжи была сухая, крепкая. Он повёл Дмитрия к кабинету за стеклянной перегородкой.

Титов оказался грузным мужчиной лет сорока пяти, с залысинами и громким голосом. Он сидел за столом, заваленным бумагами, и что-то писал. Увидев Дмитрия, отложил ручку, оглядел его.

— Соколов? Ну, Мартынов сказал. Посмотрим, что ты умеешь. Вот тебе задача: разобрать массив данных по сейсмической активности. Три коробки перфокарт. Напиши программу для обработки. Машина — БЭСМ-4. Справишься?

— Постараюсь, — ответил Дмитрий, стараясь не показать, что задача кажется ему элементарной.

Он сел за свободный стол. Серёжа объяснил, как работать с машиной, как загружать перфокарты, как запускать программу. Дмитрий слушал внимательно, иногда переспрашивал, чтобы казаться менее опытным. Внутри он чувствовал, что знает слишком много для человека, который якобы впервые видит эту машину, и старался сдерживаться.

К вечеру он написал программу на Алголе, отладил её, получил результат. Титов проверил, хмыкнул, потом поднял брови:

— Где вы так научились, Соколов? Это не первый день работы.

Дмитрий пожал плечами:

— Я самоучка. Много читал, практиковался дома.

— Хм, — Титов ещё раз посмотрел на листинг. — Ладно, завтра продолжишь. Но смотри, не зазнавайся.

Дмитрий вышел из института в семь вечера. Усталый, но с чувством, что день прошёл не зря. У выхода его ждал Серёжа.

— Ну как? — спросил он. — Освоился?

— Вроде да.

— Пошли, я тебе столовую покажу, если голодный.

Дмитрий кивнул. Они дошли до столовой, где Серёжа взял полный обед, а Дмитрий — чай и булочку. Сели у окна. Серёжа говорил без умолку:

— Титов, конечно, мужик неплохой, но зарплату не поднимает. У нас тут одна женщина в декрет ушла, так всю работу на нас свалили. А начальство всё обещает новые машины, а денег нет.

Дмитрий слушал, иногда вставляя фразы. Он понимал, что Серёжа — первый человек, с которым можно установить нормальные отношения.

Домой он вернулся в девятом часу. У подъезда никого не было. Он поднялся, разогрел вчерашнюю кашу, поел. Потом долго сидел у окна, глядя на тёмный двор. Тревога не уходила, но сегодня он чувствовал себя лучше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.